

Авторская презентация исторических фактов в киевском своде XII в.

В XII в., как пишет Д. С. Лихачев, вырабатывается новая форма летописания – княжеские Летописцы. Их целью становится историческое отображение для потомства деятельности представителя того или иного княжеского рода, основных фактов его биографии [4, с. 176–181].

Заинтересованность летописца в том, чтобы зафиксировать и подчеркнуть в повествовании о тех или иных событиях роль определенного княжеского рода, ведет к отбору фактов (иногда заметному лишь при сопоставительном анализе параллельных мест в двух сводах, излагающих одного и то же событие), сказывается в выборе ракурса освещения описываемого. Данный аспект повествовательной структуры летописного текста назван В. П. Адриановой-Перетц «лирической стихией» [1, с. 69]. Анализу стилистических приемов, обеспечивающих заданную автором-рассказчиком презентацию в тексте исторических фактов, и посвящена настоящая работа.

Материалом для нашего исследования послужили фрагменты времени киевского княжения черниговского князя Всеволода Ольговича (с 1139 по 1146 г.), отраженные в киевском своде XII в. Ипатьевской летописи. В некоторых случаях для сопоставления привлечены другие черниговские отрывки¹.

Всеволод Ольгович был единственным черниговским князем XII в., который занимал киевский престол в течение нескольких лет. Однако фрагменты летописного текста, написанные рукой летописца, благоволившего к нему, с трудом вычлениаются среди других, несущих на себе отпечаток враждебного авторского отношения либо описывающих события с точки зрения интересов других князей. Еще К. Н. Бестужев-Рюмин, анализируя рассказ, датируемый 1144 г., отметил, что он является едва ли не единственным за время княжения Всеволода, «в котором можно заметить сочувствие к нему летописца» [2, с. 119].

¹ Все ссылки на текст Ипатьевской летописи (по Ипатьевскому списку) даются по [6]; на текст Лаврентьевской летописи (по Лаврентьевскому списку) — по [5]. При цитировании мы отказались от орфографического воспроизведения текста.

Самое начало рассказа о киевском княжении Всеволода Ольговича содержит ремарку летописца, которая представляет собой взгляд на развивающиеся события брата Всеволода — Игоря: *«Всеволодъ же вниде в Киевъ марта въ 5 день, съ честью и славою великою. И приде к нему Игорьъ, бе бо Игореву обещалъ изъ давна дати подѣ собою Черниговъ, и не да ему, но да и Давыдовицю»* [6, стб. 303]. В повествовании ощутимой для читателя становится, используя терминологию Б. А. Успенского, «идеологическая точка зрения» князя Игоря Ольговича [9, с. 30]. Обозначенные буквально во второй фразе после сообщения о въезде Всеволода Ольговича в Киев интересы другого князя привлекли наше внимание, так как все сообщаемые летописцем подробности играют роль в формировании контекста восприятия действий киевского князя.

Знаменательное для любого княжеского рода событие, каким является восшествие на киевский престол, по сравнению с другими аналогичными отрывками в киевском своде описано достаточно скромно. Ограничившись тремя примерами (формат настоящего исследования не позволяет нам увеличить их количество), мы сможем показать, насколько сильным было творческое начало, прорывавшееся в работе летописца, фиксировавшего исторические события, однако следовавшего законам «риторической организации текста» [8, с. 168–169].

В 1146 (6654) г. киевским князем становится Изяслав Мстиславич: *«И ту прислашася к нему Чернии Клобуци и все Поросье, и рекоша ему: “Ты наш князь, а Ольгович не хотимъ”»; «И поиде Изяславъ къ Дерновуму, и ту скупилшася вси Клобуци и Поршане. Томъ же месте прислашася к нему Белгородци и Василевци, тако же рекучи: “Поиди! Ты наш князь, а Ольговичъ не хотимъ!”»; «Том же месте приехаша от Киянъ мужси, нарекуче: “Ты — наш князь. Поеди! Ольговичем не хотимъ быти, акы в задничи”»* [6, стб. 323]. В данном отрывке заметно стремление автора не только подчеркнуть законность княжения в Киеве Изяслава Мстиславича, указав на неоднократные приглашения его на престол представителями разных областей, но и зафиксировать, подчеркнуть негативное отношение к роду князей Ольговичей.

В другом примере под 1160 (6668) г. восшествие князя Ростислава Мстиславича на киевский престол приравнивается рассказчиком к всенародному празднику Пасхи. Последнюю фразу данного известия Е. Л. Конявская метко называет «оценочным резюме» летописца [3, с. 74]: *«Поиде Ростислав, сынъ Мьстиславль из Смоленска къ Киеву на столь. И вниде в Киевъ месяца априля в 12 день на въскресение. Тогда бо бе паска честная, и сretoша все людие и множество народа. Прияша*

и людие с достохвалною честию. И седе на столе деда своего и отца своего сии благоверный князь Ростиславъ. И бысть людемъ двоя радость: и воскресение Господне и княже седение» [6, стб. 504].

В 1146 (6654) г. киевляне, несмотря на то, что умирающий Всеволод Ольгович завещал Киев брату Игорю, обратились к князю Святославу: *«И почаша Кияне складывати вину на тиуна на Всеволожа, на Ратью и на другого тиуна Вышегородьского, на Тудора, рекуче: “Ратиша ны погуби Киевъ, а Тудоръ Вышегородъ. А ныне, княже Святославе, целуй нам крестъ и за братомъ своимъ, аще кому нас будетъ обида, да ты прави”»* [6, стб. 321–322]. Следующую фразу, содержащую формулу двойного правления братьев, по мнению Б. А. Рыбакова, мог придумать Святославов летописец [7, с. 39]: *«Кияне же вси съседше с конем и начаша молвити: “Братъ твои князь и ты”»* [6, стб. 322].

Яркий пример использования княжеских прямых речей как средства идеологической обработки фактов дает нам повествование под 1146 г. Анализ параллельных отрывков в Ипатьевском и Лаврентьевском списках подсказывает, какой целью руководствовался каждый из авторов: описывая решение Игоря Ольговича принять схиму, летописцы по-разному передают его слова. В Лаврентьевском списке летописец называет причиной пострижения Игоря Ольговича наступление на его брата, Святослава: *«Игорь же слышавъ в порубе сын, оже идет Изяславъ на брата его, домолися, послаъ къ Изяславу, глаголя: “Еда бых ся постригль”»* [5, стб. 314], в Ипатьевском — причиной пострижения черниговским автором названа болезнь, к тому же сообщается, что мысль о пострижении была и раньше. Заметно, что рассказчиком руководит стремление создать облик князя-мученика, подтверждающий важность его канонизации: *«Брате, се боленъ есми велми, а прошию у тебе пострижения. Была бо ми мысль на пострижение еще в княженъи своемъ, ны же у нужи сей боленъ есмь велми, и не чаю собе живота»* [6, стб. 337].

Вероятно, тем же автором, который хорошо осведомлен об обещании дать Чернигов князю Игорю, описаны события под 1145 (6653) г. После распоряжения на случай своей смерти Всеволод Ольгович объявляет, что польский князь Владислав зовет его в помощь против своего брата. Князь Игорь вызывается выступить в поход, обращаясь к Всеволоду: *«Не ходи ты, но поидемъ мы»* [6, стб. 318]. Такое обращение подчеркивает его роль в исторических событиях. Если Лаврентьевский список содержит лишь фразу об этом походе: *«В то же лето иде Игорь с братьею своею на Ляхы, а другимъ в помочь»* [5, стб. 312], то в Ипатьевском списке об этих событиях помещен рассказ. Некоторые подробности, по-видимому, могли

быть описаны очевидцем. Например, летописец точно указывает места расположения противников: посланные Всеволодом князя *«Идоша на середь земли Лядское»*; Межку и Болеслав *«стояча за болотомъ, и переехавши на сю сторону, и поклонистася Игореву»* [6, стб. 318]. Протографическим источником в описании данного похода мог быть Летописец князя Игоря Ольговича.

В проанализированных нами фрагментах интерес рассказчика к брату Всеволода Ольговича, Игорю, является еле ощутимым. Иной пример дает нам отрывок под 1142 (6650) г., в котором стремление летописца защитить интересы других князей выражено более-менее явно. Этому способствует особое композиционное построение повествования, выражающее авторское отношение к происходящему. Сопереживание братьям со стороны автора передает уже первая фраза, сообщающая, что на сердце у князей было тяжело. Описывая психологическое состояние Игоря и Святослава, автор использует по отношению к ним «внутреннюю точку зрения» [9, с. 144–148].

Между тем в летописном тексте есть известия, в которых враждебное отношение летописца к занимавшему киевское княжение Всеволоду Ольговичу заметно с первого взгляда. Такими являются описание его похода против князя Андрея Доброго (под 1140 г.), а также сообщение о женитьбе его сына (под 1143 г.). В первом случае сигналом авторского отношения является ремарка: *«Надея бо ся силе своеи, самъ хотяше землю всю держати»* [6, стб. 304], а также приведенная речь Андрея Доброго, в которой он сравнивает противника со Святополком (убившим Бориса и Глеба); во втором примере употреблен эмоционально маркированный эпитет *«безбожни»*, подчеркивающий неприязненное отношение к приглашенным на свадьбу гостям киевского князя.

Заметим, что открытое осуждение летописцем князя, занимающего киевский престол, выраженное с помощью ремарки, является скорее исключением для летописного текста. При этом княжеские речи довольно часто являются «проводником» авторского отношения к описываемому. Упомянутые выше слова Андрея Доброго — один из примеров. Другим вариантом оценки действий князей является их трактовка как следствия вмешательства дьявола или помощи Бога. Вот как, к примеру, описано предательство Давыдовичей и киевлян, возглавляемых Глебом тысяцким, Иваном Войтишичем и др., в черниговской версии рассказа под 1146 г. об убийстве Игоря Ольговича: *«Всекознный же дьявол не хотя любви межю братьею, и вложи в сердце злым светком Глебови тысяцьскому,*

Иванови Воитишицю, иже свещаста свет зол с Кияны на князя своего» [6, стб. 324].

Авторские ремарки являются средством более тонкого (иногда не создаваемого при чтении) настраивания читательского восприятия. Приведенные выше примеры показывают, что ремарки могут представлять интересы одной из участвующих сторон, открыто передавать чувства автора, формировать особый ракурс освещения событий, которые оказываются определенным образом «преподнесенными» читателю. Такой пример дает нам текст, описывающий спустя много лет обстоятельства вокняжения в Чернигове сына Всеволода Ольговича, Святослава. После смерти Святослава Ольговича (под 1164 г.) черниговский епископ Антоний и собравшиеся у гроба дают клятву в том, чтобы не посылать к Святославу Всеволодовичу об этом весть. Летописец замечает про епископа: *«Се же молвяше имъ, леств тая в собе, бяше бо родом Гречинъ. Се же первое целова святого Спаса, се же створи злое преступление»* [6, стб. 523]. В данном примере видим совмещение двух способов презентации авторского отношения в тексте: ремарки *«леств тая»*, намекающей на недоверие автора, а также эпитета *злой*, примененного к характеристике поступка грека, *открыто* выражающего отношение к нему летописца. Сообщая о том, что Олег Святославич уступил Чернигов Святославу Всеволодовичу, автор замечает, что Олег совершает это, *«на ся поступив»*. Ремарка летописца сигнализирует об авторской симпатии князю Олегу. В данном примере заметна идеологическая окраска всего отрывка, созданная рассказчиком, поддерживающим Олега Святославича, а не сына старшего из Ольговичей, Святослава.

Аналогичный пример представляет собой описание спора из-за Вщижского наследства под 1167 (6675) г.: летописец явно осуждает Святослава Всеволодовича, отмечая, что Олег Святославич просил *«в правду наделенья»*, подчеркивает факт заступничества киевского князя Ростислава Мстиславича, увидевшего, что Святослав Всеволодович обижает Олега [6, стб. 525]. Заметим, что авторская оценка затрагивает уже не только князей, но и касается других участников разворачивающихся перед читателем событий.

Однако авторские ремарки не всегда транслируют читателю авторское отношение. В некоторых случаях они могут порождать многозначные толкования. Например, под 1142 (6650) г. Всеволод отправляет помощь своему зятю, польскому королю: *«В ту же зиму посла Всеволодь сына своего Святослава, Изяслава Давыдовича съ Володимеромъ с Галичьскымъ во помочь зятю своему Володиславу на братью его на*

мению на Болиславиче. И сняшася вси у Чернечьска, и въевавшие възвратишася, въземьше боле мирныхъ, неже раатныхъ» [6, стб. 313]. Подробности похода не сообщаются, и можно лишь строить предположения о причине захвата мирных жителей. Фиксация данного факта вряд ли может быть следствием нейтральной позиции рассказчика, однако и уверенно говорить об осуждении вряд ли возможно. Аналогично в описании похода Всеволода Ольговича против Владимирки Галицкого под 1144 г. негативное отношение автора является еле ощутимым. Про помощь, прибывшую к галицкому князю, летописец замечает: *«А Угры приведю ему к собе в помочь, и быша ему не на кую же ползу»* [6, стб. 315].

Из всех летописных сводов лишь в составе Ипатьевского списка нами были отмечены отрывки, характеризующие Всеволода Ольговича с положительной стороны. В одном из них зафиксирована попытка князя установить мир с Владимировичами после вступления на Киевский престол, в другом — отмечено его нежелание воспользоваться преимущественным положением, сложившимся из-за случившегося пожара во время столкновения с князем Андреем Добрым (1140 г.). Третий эпизод рассмотрим подробнее.

Галицкий Владимирка и Иоанн Василькович, помогая Всеволоду Ольговичу, входят в земли Изяслава Мстиславича. Вячеслав Владимирович и Изяслав Мстиславич отправляют послов к Всеволоду Ольговичу, а *«Всеволодъ же не хоте учинити воле ихъ; и последе съдумавъ, оже ему безъ нихъ нелзе быти, и, давъ имъ прошение ихъ, и крестъ к нимъ целова»* [6, стб. 306]. Важным для нас представляется указание рассказчика на то, что Всеволод Ольгович подавляет свое нежелание поступить по-своему и делает выбор в пользу мирного договора.

Для сравнения приведем отрывок, в котором раскрывается внутренний мир другого Ольговича — брата Всеволода Ольговича, Святослава. Данный пример иллюстрирует, насколько ярче, выразительнее, убедительнее по сравнению с рассказанным самим летописцем событием воспринимается происходящее, передаваемое с помощью приведенных княжеских речей.

Под 1159 (6667) г. Изяслав Давыдович задумывает осуществить поход на Галич. Святослав Ольгович несколько раз безуспешно пытается остановить его. В ответ на обидные слова Изяслава: *«Аже ми Бог даст успею Галичю, а ты тогда не жалуй на мя, иже ся почнешь поползывать из Чернигова к Новугороду»* [6, стб. 499], Святослав произносит: *«Господи, виждь мое смирение, колико на ся поступахъ, не хотя крови пролити христианской и отчины своя погубити, взяти Черниговъ*

с 7 городъ пустых, Моровиескъ, Любескъ, Оргоць, Всеволожь. А в нехъ седять псареве же и Половци, а всю волость Черниговскую собою держить, и с своимъ сыновцем. И то ему не досыти, но велит ми еще из Чернигова пойти. А крест ко мне целовать, яко не подозреши подо мною Чернигова никимже образомъ. Да Бог буди за всимъ и крестъ честный, егоже соступаеши ко мне. А я, брате, не лиха хотя тебе бороню не ходити, но хотя ти добра и тишины земли Рускые» [6, стб. 500]. Ответ Святослава фактически представляет собой монолог, лишь в конце приобретающий диалогичную форму. Внутренняя речь в таком контексте является исключением для летописного текста, так как обычно она используется «при описании последних дней или лет жизни того или иного представителя княжеской династии» [10, с. 47].

Анализ летописного текста времени киевского княжения Всеволода Ольговича в составе киевского свода показал, что средствами создания заданной идеологической окраски повествования для летописца были авторские ремарки (способные передавать спектр авторских чувств), особое композиционное построение повествования, прямая речь, оценочные эпитеты.

1. Адрианова-Перетц В. П. Об основах художественного метода древнерусской литературы // Рус. лит. 1958. № 4. С. 61–70.

2. Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.

3. Коняевская Е. Л. Проблема авторского самосознания в летописи // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 65–75.

4. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л., 1947.

5. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.

6. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.

7. Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

8. Сазонова Л. И. Жанры литературы средневековой Руси как историко-культурная реальность // Теория литературы : в 4 т. М., 2003. Т. 3.

9. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб., 2000.

10. Франчук В. Ю. Киевская летопись: состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.